

В. П. БУДАРАГИН

Фрагмент утраченного безвыходного издания Триоди цветной в рукописи XVI в.

Зачин этой статьи несколько необычен для строгого академического издания. Но да простится это автору, не устоявшему перед соблазном не только рассказать о научном значении поступившей в Древлехранилище рукописной книги, но и запечатлеть историю ее обретения. Историю, достаточно примечательную в своей археографической непредсказуемости.

Очередной день выездных «Чтений по истории литературы и искусства Древней Руси» 1987 г. в г. Горьком. Собственно, выездные это «Чтения» только для Отдела древнерусской литературы и Древлехранилища Пушкинского Дома АН СССР, и сейчас в конференц-зале Художественного музея гости в роли слушателей: с докладами по истории иконописи и архитектуры Нижнего Новгорода выступают горьковские искусствоведы. Свет потушен, показывают слайды. Кто-то трогает меня за плечо, я оборачиваюсь и с трудом различаю в темноте знакомое лицо: «Леонтию Ивановичу пришлось срочно уехать, и он просил меня передать вам эту книгу...». Супруга Леонтия Ивановича вручает мне увесистый сверток, шепотом прощается и уходит. Жаль, что уехал Леонтий Иванович... Это ведь еще знакомый В. И. Малышева, основателя Древлехранилища Пушкинского Дома. С кончиной Владимира Ивановича отношения наши не прервались, и архитектор-реставратор Л. И. Пименов передал в дар Древлехранилищу имени В. И. Малышева несколько превосходных рукописей XV—XIX вв. Но теперь он в г. Горьком и сам только наездами: дела старообрядческой архиепископии требуют его присутствия в Москве. Что же, однако, за книгу держу я в руках? Пока ясно только, что форматом «в лист», что в дощатом переплете книга (это и на ощупь определить можно).

Заседание несколько затянулось. Нас уже ждет экскурсионный автобус — и времени только-только, чтобы занести пакет в гостиничный номер. Но ведь и взглянуть на книгу надо, хотя бы мельком. В номере разворачиваю сверток: так, Триодь цветная; рукопись, скорее всего, XVI в.; переплет, правда, значительно моложе; текст в начале и конце рукописи реставрирован... А это что? Среди рукописных листов XVI в. мелькнул вдруг печатный текст. С какой бы стати? Всего несколько листов, тоже Триодь цветная, да и печать какая-то странная, широкая, не вполне даже на московские шрифты похожая. Это интересно! Но... книгу в шкаф — и бегом к автобусу.

Поздно вечером опять достаю рукопись. Да, книга пожила на этом свете! Часть листов была дописана еще в первой трети XVII в., а в начале

нашего столетия потребовалась уже полная реставрация блока. Старообрядцы превосходно умели это делать, максимально сохраняя оригинальный текст, дописывая утраченные буквы, слова, иногда и целые листы книги. Вот, кстати, мелькнул владельческий штампель Д. И. Корягина. Не его ли стараниями реставрирована и заново переплетена рукопись? Переплет, правда, поизносился уже и утратил нижнюю застешку, но не старше он все-таки начала нашего столетия. Ну, а печатная вставка? Она тоже должна была восполнить недостающие листы рукописи? Возможно; однако в этой части рукописного блока последовательно реставрированы только правые нижние углы листов, других утрат нет. Более того, если везде старообрядец-реставратор максимально сохранял письмо XVI в., то здесь приоритет за печатной книгой: рукописный текст, повторенный в месте состыковки печатным фрагментом, в рукописи вычеркнут. Предпочтение отдано печатному тексту. Но когда вычеркнут? Похоже, что все-таки в начале XX в., когда книга реставрировалась и заново переплеталась: цвет вычеркивающих линий более сходен с красными чернилами букв и цифр реставрированных листов начала века, чем с киноварью основного рукописного текста Триоди. Уже после реставрации всего блока была проставлена и сплошная нумерация буквенной цифирью, учитывающая печатный фрагмент. Сам же печатный фрагмент сообщил о себе немного: на полосе 20 строк; сохранился номер 37-й тетради, отпечатанный посередине нижнего поля; на одном листе просматривается водяной знак: корабль с прямоугольным флагом и литерами ИМ. Бумага фрагмента сильно обветшала (особенно правые нижние углы), что произошло, вероятно, в последующие десятилетия, уже после реставрации рукописного блока.

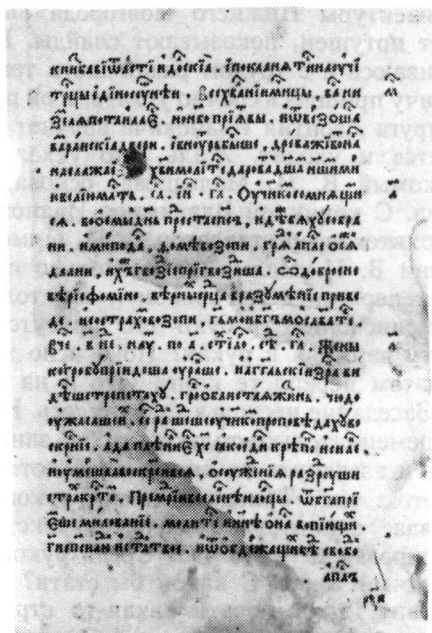
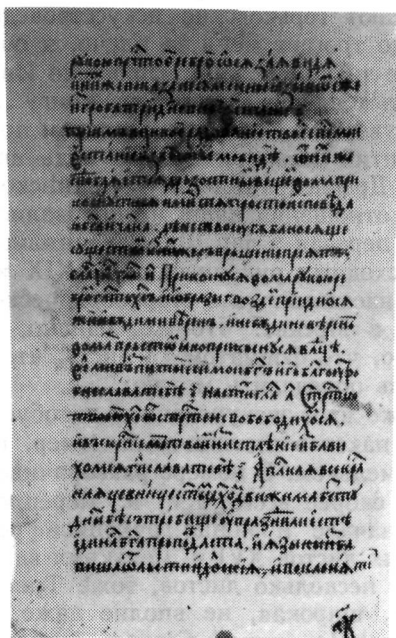

Рис. 1—2. Разворот Триоди цветной (л. 166 об.—167) с началом печатной вставки. Вычеркнута концовка рукописного текста, дублирующая начало печатного фрагмента.

Дальнейшие разыскания пришлось вести уже в Ленинграде. Здесь стали выясняться удивительные вещи: 1) из всех известных московских изданий только одно насчитывало на полосе 20 строк; 2) так была набрана Триодь цветная, одно из семи безвыходных изданий середины XVI в.; 3) это издание было описано в 60—70-х гг. XIX в. А. Е. Викторовым по единственному дефектному экземпляру собрания П. В. Щапова; 4) собрание Щапова по его завещанию поступило в 1888 г. в Исторический музей, но Триоди цветной в его составе не оказалось, местонахождение ее до сих пор неизвестно и новых экземпляров издания обнаружено не было.¹

Однако отождествление нашего фрагмента с безвыходным изданием Триоди цветной несомненно потребовало бы немалых еще усилий, если бы не фотография и факсимильная литографированная копия двух страниц экземпляра Щапова, изготовленные в свое время А. Е. Викторовым и опубликованные Е. Л. Немировским. В нашем фрагменте нет, правда, ни плетеного инициала В, ни ломбардов, зафиксированных Викторовым, но сам уникальный шрифт издания, совпадающая высота строк (10 строк — 103 мм) свидетельствуют о том, что в составе рукописной Триоди цветной сохранилось 11 листов исчезнувшего для книговедов на целое столетие безвыходного издания.

В опубликованном описании Триоди цветной нет, к сожалению, никаких сведений о водяных знаках щаповского экземпляра. Единственный знак нашего фрагмента, упоминавшийся уже «кораблик» (3-й лист 37-й тетради издания, л. 172 по сплошной пагинации рукописи), зафиксирован в альбоме Н. П. Лихачева только по январскому тому Миней Четых, датированному 1567 г., — Лихачев. Вод. зн. № 1895. Этот же знак выявлен О. Н. Кичиной на 1—8-м листах 38-й тетради в шести экземплярах широкошрифтного Евангелия.² Сохранившийся в нашем печатном фрагменте знак — важное, таким образом, свидетельство общности Триоди цветной с другими московскими безвыходными изданиями.

Что же еще позволяют уточнить сохранившиеся листы? Они отпечатаны методом двухпрокатной печати с одной формы, причем черные строки иногда накладываются на киноварные буквы. Титла в 7-й строке сверху первого листа фрагмента сначала была оттиснута киноварью, потом черной краской. Типографы уже уверенно владеют выключкой строк, но киноварные буквы по левому краю не всегда выдерживают линию. Шрифт не встречается больше ни в одном издании, хотя по устному сообщению А. А. Турилова именно этим шрифтом, но менее профессионально было напечатано в 80-х гг. XVI в. обнаруженное им так называемое казанское издание.

Буквы З, Р, Ф, Х, Ц, Ш, Ъ имеют варианты с укороченными выносными элементами. Выносные буквы встречаются как под титлой (Б, В, Г, К, Л, Н, О, С, Ч, Ш), так и без оной (Д, Ж, З, М, Р, Т, Х, Ц). Иногда выносятся слоги (ДО, ДИ, ЖИ, ТИ), причем И в них изображается двумя параллельными наклонными штрихами (как бы вдвоенной укороченной «варией»). Такое выносное И встречается и отдельно в конце прилагательных и местоимений, но редко. Сама же «вария» почти не используется в наборе (всего 16 знаков на 11 листах текста), «камора» тоже ограничена в употреблении (9 раз над союзом НО и один в слове ТМУ), трижды использовано «исо». Последовательное остальных акцентологических знаков представлена

¹ Немировский Е. Л. 1) Возникновение книгопечатания в Москве // Иван Федоров. М., 1964. С. 191—194; 2) Непубликованная работа А. Е. Викторова о московских безвыходных изданиях // Федоровские чтения 1974. М., 1976. С. 74, 76—77, 89—91.

² Кичина О. Н. Филигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения 1983. М., 1987. С. 137, 156.

«оксия». Из других надстрочных знаков доминирует «спиритус», иногда встречается «паерок».

Округлое З по высоте больше остальных строчных букв и выступает сверху и снизу за границы строки. Как бы зеркальным отражением З воспринимается в начале и на конце слов столь же крупное округлое Е, часто дополненное сверху выносной буквой. Обращает на себя внимание непоследовательность постановки Ъ после согласных, а также употребление І между согласными (например, ПРІМІРІШИ, ЖІЗНЬ) и на конце слов (ТВОИМІ, НЕ БУДІ), что, впрочем, встречается и в других московских изданиях. В орфографии проявляются следы второго югославянского влияния (ЧИСТАА, ВОПІАШЕ, ТВОА). Для синтаксического деления текста используются точки и запятые. Киноварные номера «гласов» иногда вынесены из строки на поле.

Сохранившийся фрагмент Триоди цветной представляет собой часть службы во 2-ю неделю после Пасхи (так называемую Фомину неделю) со среды до субботы. Начало: «...КИ ИЗБАВІ ОТ ЛСТИ ИДОЛСКІА І ПОКЛАНЯТИСИ НАУЧІ ТРО(И)ЦЫ ЕДІНОСУЩНЬЙ». Конец: «НО ШЕДШЕ УЧ(Е)Н(И)КОМ ЕГО РЦИТЕ: УМ(Е)РТВИВЫЙСЯ ВОЗСТА Х(РИСТО)С». Кстати, фотография из архива А. Е. Викторова воспроизводит страницу предшествующей части службы Фоминой недели: окончание 6-й песни канона и начало синаксаря. Тем более странно, что Е. Л. Немировский, воспроизводя фотографию и пересказывая статью Викторова, впоследствии им же опубликованную, где прямо указано, что «синоксари здесь расположены не отдельно в конце книги, а после 6-й песни», пишет: «Синоксари, как и в безвыходной Триоди постной, были вынесены в конец книги. Здесь типограф следовал практике, сложившейся в зарубежных славянских типографиях».³ Недоразумение, впрочем, впоследствии было устранено исследователем: «С Трьдью цветной положение иное. Мы не знаем ни одного списка и ни одного печатного издания, в которых синоксари были бы вынесены в конец».⁴

Как же соотносится наш фрагмент с исчезнувшим дефектным экземпляром П. В. Шапова? Судя по описанию А. Е. Викторова, 37-я тетрадь была последней в шаповской Триоди. Номер 37 отпечатан на четвертом листе нашего фрагмента (л. 170 по пагинации рукописи), и тетрадь эта из 8 листов сохранилась полностью. Имеем ли мы дело с последними листами шаповского экземпляра или с фрагментами еще одного, никому не известного, сказать трудно. Несомненно лишь, что старообрядец-реставратор в начале XX в. знал о ценности вшитых в рукописный блок печатных листов, пожертвовав ради них дублирующими наборный текст рукописными строками (листами?) XVI в. Это косвенно свидетельствует в пользу шаповского экземпляра: книга исчезла, поскольку была уникальной, новый владелец был прекрасно осведомлен о ее ценности. Затеки на сфотографированном листе Триоди не вполне соответствуют затекам нашего фрагмента по конфигурации, но количество их столь же обильно. При этом надо учесть, что конец 6-й песни канона значительно отстоит в книжном блоке Триоди от чтений нашего фрагмента, да и сохранность бумаги за столетие несомненно претерпела изменения. Трудно полагаться на нюансы в типографском воспроизведении фотографий, но заметны на ней глушащие текст капли воска и горизонтальная тень (или затек) над десятой строкой сверху. Капли воска есть и на листах нашего фрагмента, а по всем листам

³ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 192.

⁴ Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 167.

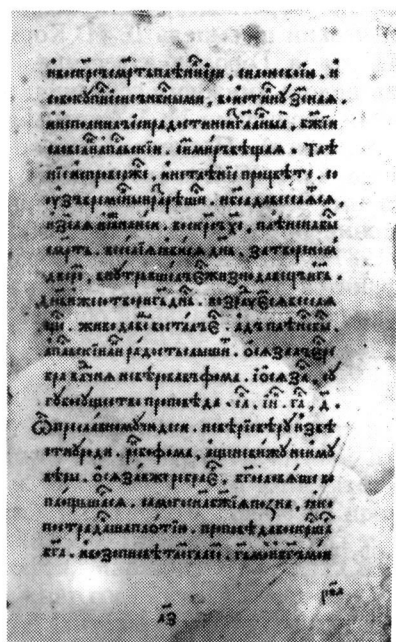

Рис. 3. Начальный лист 37-й тетради издания Триоди цветной (л. 170 сплошной нумерации рукописи).

строку и отсутствующий на листах рукописи. Все это, конечно, аргументы не слишком убедительные, и тем не менее рискну предположить, что речь идет в данном случае о последних листах известного Викторову щাপовского экземпляра Триоди цветной.

Зачем, однако, понадобилось отъединять от заведомо дефектного экземпляра еще один фрагмент и вплетать его в блок рукописи XVI в.? Такое было возможно, скорее всего, в чисто спекулятивных целях, для удорожания рукописной книги. Примеров тому в начале столетия достаточно: это и восполнение отсутствующих в древних рукописях миниатюр, и приписки с ложными, более ранними, датами приобретения или написания рукописей, и просто стилизации под старину. Это, правда, не объясняет, почему не одна и не две, например, полных тетради были изъяты из печатного блока, а именно 11 листов? Вопросов больше, чем ответов на них. Но если есть все-таки в нашем предположении доля истины, то можно надеяться, что еще в какой-то рукописной Триоди цветной обнаружится печатный фрагмент известного уже нам безвыходного московского издания середины XVI в.

Сама рукопись ничего, к сожалению, прояснить в судьбе печатной Триоди не может. Основная ее часть, судя по водяным знакам, создана не ранее 80-х гг. XVI в. Полистная запись на л. 51—67 сделана, очевидно, в начале XVII в., хотя в самой записи указан 1501 г. (дата вписана несколько иным почерком): «Книга глаголимоя Треодъ цветная Георгиевская (с люторечи от прощи?) что в Московском уезде в Замытцком стану, а кто сию книгу из церкви изнесет или продаст и тому Бог судит, лета

7001». Книга впоследствии меняла своих владельцев, к Л. И. Пименову она попала из Городца, где обреталась, быть может, уже с начала века. Упоминавшийся владельческий штампель Д. И. Корягина (л. 253) тому не противоречит, фамилия эта в Городце известная. Вполне вероятно, что входила Триодь в состав целого книжного собрания: на верхнем форзацном листе проставлен черными чернилами № 1 (сходными по цвету чернилами пронумерованы листы рукописи). Последняя же по времени запись, сделанная на л. 1 стилизованной под XVII в. скорописью, гласит: «В Керженский фонд Дрeвлехранилища им. В. И. Малышева Пушкинского Дома от Л. И. Пименова во время Чтений по Д. Л. (древнерусской литературе. — В. Б.) в Н. Новгороде, июнь 1987 г.». В Керженском собрании Дрeвлехранилища под номером 133 и хранится теперь эта рукописная Триодь цветная, л. 167—177 которой донесли до нас уникальный образец отечественного книгопечатания.